

На снимках: А. К. КОСЕНКОВА, вдова художника, хранитель его памяти и творческого наследия; работы художника — «Богородица»; «Свобода слова».

Фото автора.

Неизвестный Косенков

Эту выставку вполне можно было бы назвать «Неизвестный Косенков». В преддверии 70-летнего юбилея самого именитого белгородского графика сотрудники мемориального музея-мастерской решили познакомить публику с его ранними, никогда не выставлявшимися работами, в которых узнаваемый почерк мастера еще не сложился.

Впрочем, сказать «не выставленным» будет не совсем правильно. В семидесятые годы часть этих работ вместе с фотографиями Павла Кривцова была предьявлена зрителю на выставке, размещенной, за неимением экспозиционных площадей, в старом здании театра... Судьба выставки была драматична — провисела она два дня. Кривцова вызвали в КГБ («ваши фотографии «Птица в клетке» и «Собака в будке» — клеветка на советского человека!»), а Косенкова — в обком комсомола, его обвинили в формализме. «Я окончил советский вуз, — ответил Косенков. — И знаю, что такое формализм! Формализм — это отсутствие содержания. Где вы у меня его нашли?».

И действительно, хотя экспозиция поражает яркостью красок и разнообразием авангардного поиска, мысль автора всегда читаема... В молодости Станислав Косенков, по свидетельству его вдовы Анны Константиновны, заведующей музеем-мастерской, всю «пикассил» и «гуттузил» (выражение из дневника художника). Революционное для изобразительного искусства творчество Пабло Пикассо и Ренато Гуттузо, Поля Гогена и Винсента Ван Гога, Василия Кандинского и Казимира Малевича оставило неизгладимый след в душе белгородского художника. И если со многими кумирами молодости зрелый Косенков впоследствии распрощался, то, например, Ван Гога почитал всю жизнь.

Импрессионисты и кубисты обогатили палитру художника яркими южными красками, специфическими сочетаниями цветов. Выставленная в мастерской «Богородица» Косенкова носит характер не религиозный, а символический — это вечный

сюжет о материнстве, несмотря на характерные для икон орел и трон, на котором сидит женщина с ребенком. Это крепкая, по-крестьянски загорелая женщина с большими руками и скуластым лицом, из тех, какие нравились великому Пабло, — здесь автор явно «пикассил».

«Автопортрет» 1968 года, с его диковинным сочетанием розового и синего в фоне, — «поклон» Гогену. Художник на нем молодой и безбородый, с угрюмым подбородком и грустными глазами... «Автопортрет» 1974 года совсем иной — отражающий мозаичное восприятие художником жизни, радостный и полный надежд. Молодой Косенков пытался найти свое отношение к цвету, от которого окончательно ушел в зрелые годы, придя к убеждению в наибольшей выразительности и глубине черного и белого... «Две фигуры в красном интерьере» отражают противоречивое восприятие художником красного цвета. Это цвет боли и страсти, но и красоты, праздника. Сюжет «мать дитя» разыгрывается здесь иначе, чем в «Богородице» — не радостное единение двух любящих, а разобщенность.

Научные сотрудники музея давно подметили особое понимание С. Косенковым темы детства, отрочества: и в ранних работах, и в позднейших графических листах все мальчики-подростки находятся как бы на островке своей жизни, в одиночестве, наполненном переживаниями. Недолголюбленность, недолгость, одиночество ребенка во взрослом мире — как знакомые были они самому Косенкову, послевоенной «безотцовщине»!

На выставке представлены работы «прибалтийского» цикла, отразившие влияние евро-

пейского искусства с его условностью и бледный колорит северной природы: холодные серые, розовые, песчаные тона, а в работах «вологодских» — черные и фиолетовые. Здесь художник часто использует технику монотипии — оттиска рисунков с изображения на стекле.

Станислав Степанович интересовался восточным искусством, философией и религией буддизма — ему было интересно, как понимают мир другие культуры, что также оставило свой след в его творчестве. Достаточно взглянуть на работы «Отражение», «Осенние деревья», «Над рекой», чтобы увидеть влияние древнего японского и китайского искусства с его минимализмом и созерцательной растворенностью автора в пейзаже.

— В Косенкове не было ни капли провинциализма, — говорит Анна Константиновна. — И не удивительно — его любимым учителем в Харьковском художественно-промышленном институте был известный художник-конструктивист 20-х годов Василий Дмитриевич Ермилов, за произведениями которо-

го сегодня по всему миру гоняются коллекционеры. Ермилов дружил с В. Хлебниковым, Д. Бурлюком, В. Маяковским...

Молодой Косенков жил и творил в условиях тоталитарного режима, накладывавшего «лапу» цензуры на творчество художников, писателей, артистов. Конечно, он страдал от этого и создавал как выражение внутреннего протеста такие произведения, как «Свобода слова» — руки, зажавшие рот художника...

Но более, чем внешнее насилие над творческой свободой, художника Косенкова уже тогда интересовала внутренняя нравственная борьба в душе человека, то «поле битвы», где, по Достоевскому, Бог с дьяволом борются... «Вечная схватка» 1970 года — о ней. Эта тема потом прошла через все его творчество. И последняя, предсмертная работа Косенкова «Меланхолия» — символическое постижение современности, признанное беспокойством о судьбе России и ее народа, — тоже выставлена в экспозиции.

Н. КУТКОВАЯ.